

Conceptualization of innovation and technological risks in sociology

ELENA S. BOGOMYAGKOVA

PhD, Faculty of Sociology, St Petersburg State University, St Petersburg, Russia;
e-mail: elfrolova@yandex.ru

GRIGORII V. ZORIN

PhD, Faculty of Sociology, St Petersburg State University, St Petersburg, Russia;
e-mail: zorin.gv@yandex.ru

The article considers the principles of the conceptual apparatus of sociology of innovation and technological risks. The objectivist and subjectivist approaches of conceptualization of technological and innovation risks are distinguished. Epistemological possibilities of performative approach and constructionism in the researching of innovative and technological risks are defined.

Keywords: technological and innovation risks, sociology of risk, performative approach, constructionist methodology.

АЛЕКСАНДР НИКОЛАЕВИЧ ШАРОВ

заведующий лабораторией
Научно-исследовательского института
комплексных социальных исследований
факультета социологии
Санкт-Петербургского государственного университета,
Санкт-Петербург, Россия

Об основаниях мультипарадигмальности в науке об обществе

Статья посвящена вопросам обоснования множественности методологических подходов в изучении общества (мультипарадигмальность). Рассматриваются истоки множественности подходов в историческом плане и обоснования ее различными исследователями. Предлагается использование в качестве обоснования мультипарадигмальности второй теоремы Геделя о неполноте и идеи автореферентности операционально закрытых систем.

Ключевые слова: парадигма, мультипарадигмальность, автореферентность, теория общества, структурализм, персонализм, теорема Геделя.

Мультипарадигмальность стала сегодня общепризнанным фактом в науке об обществе и в этом качестве вызывает неоднозначное отношение со стороны представителей собственно теории общества, эпистемологии и философии.

Признание множественности подходов в теории общества выражает, в определенном смысле, отказ от признания возможности выработки такой концепции общества, которая, будучи максимально общей, в то же время обладала достаточной эффективностью в изучении любых обществ и их отдельных сторон. Сторонники мультипарадигматизма полагают, что единая, максимально общая парадигма предполагается настолько абстрактной, что ее приложение в исследовательской практике было бы затруднительно, если вообще возможно. Кроме того, для объяснения тех или иных сторон общества без потери качества они считают вполне достаточным использование частных парадигм, разрабатываемых под конкретные исследовательские задачи.

Множественность подходов возникла уже во времена первых попыток в изучении общества как специфического научного объекта. Таковы были теоретические модели О. Конта, Э. Дюркгейма, К. Маркса и других социальных мыслителей. Каждая из них представляла собой авторский проект и претендовала на всеобщность, что можно объяснить лишь тем, что в те времена господствовало мнение, будто возможна одна теория общества. Эти модели конкурировали между собой, но, тем не менее, «правильной» могла быть только одна из них. Мультипарадигмальность заключается именно в отказе от претензий на общезначимость той или иной парадигмы и признание если не равноценности парадигм, то, по крайней мере, права каждой из них на существование.

Таким образом, идея мультипарадигмальности обрела право на существование лишь тогда, когда в исследовании общества получили признание разные исследовательские подходы как равноправные и неконкурентные. Проблема единой теории общества (ЕТО), таким образом, отошла на второй план, хотя и не была «снята с повестки дня». Кстати, исследовательские подходы и модели, разработанные основоположниками научной социологии, и сегодня не потеряли своего значения и входят в круг современных методологий, но уже как элементы системы современных подходов. Так, по-прежнему значимы идеи Конта об особом месте социологии в системе наук, Дюркгейма — о социальных фактах как «вещах», и не только в рамках структуралистских подходов; учение Маркса, хотя и с поправками, актуально и в ряде случаев признается в качестве «единственно верного» и т. д.

Дискуссия по вопросу о множественности подходов в исследовании общества возникла как реакция на проблему «структура/действие». Вплоть до 60-х годов прошлого столетия доминирующее положение в социологии занимает функционализм (структурный функционализм), однако наряду с ним, главным образом в США, активно использовался и символический интеракционизм. Рэндал Коллинз в своем интервью с М. Вальдштейном отмечал, что «смена парадигм по Куну» произошла в 60-е годы, причем произошла она в виде «нескольких разрывов на нескольких направлениях», так что от структурно-функционального вектора одновременно отделился ряд методологических направлений, «восстание против функционалистского господства было многомерным». В качестве таких направлений он называет марксизм, «веберизм», а также «микросоциологическое движение», которое впоследствии породило такое радикально субъективистское направление, как этнометодология (Интервью ... , 2010: 25).

Что касается символического интеракционизма, то он к тому времени существовал уже около 20–30 лет. В настоящее время все эти, а также и другие направления сосуществуют как равноправные.

Разграничение микро- и макроподходов в теории общества мы обнаруживаем уже у Макса Вебера. Как указывает Т. Парсонс: «...Веберовский социологический смычок как бы играл на двух струнах. Во-первых, Вебер определял социологию как научную дисциплину (*Wissenschaft* — нем.), которая, в первую очередь, должна попытаться понять (*deutend verstehen* — нем.) действия индивидов, особенно в их социальных отношениях друг к другу. Это и было ядром веберовской концепции *Verstehen*, или, как это иногда называли, «субъективной точки зрения». Во-вторых, Вебер считал, что социология помимо субъективных мотивов должна развивать каузальные объяснения процесса действия, его направления и последствий» (Теоретическая социология, ч. 2, 2002: 44–45).

Здесь четко сформулированы две основные пропозиции исследователя — когда в качестве точки опоры избирается субъект («я») и когда в качестве точки опоры избирается «структура», процесс, то есть человек рассматривается извне, как вещь, «поведение» которой в данных обстоятельствах и представляет объект исследования. Мы видим два подхода — персоналистский и структуралистский. Поскольку эти два подхода постоянно дробятся, появляются комплексные, «хи-мерические» подходы, можно определить социологию как игру на многострунном инструменте. Парсонс указывает, что некоторые исследователи «воспринимали эти две линии ... как резко противоположные друг другу: можно следовать либо одной, либо другой, но ни при каких обстоятельствах обеим сразу. <...> Вебер в свое время очень энергично вмешивался в этот спор, настаивая на том, что думать надо не о выборе типа «либо — либо» в отношении той или иной системы координат, а о том, чтобы всякая научная теория подчинялась общему логическому обоснованию» (Теоретическая социология, ч. 2, 2002: 45). Два обозначенных подхода Вебер называет «системами координат», что никак не исключает и других систем координат. По сути же дела, эти два подхода резко различны, только вряд ли можно назвать их противоположными. Скорее, они несовместимы, а это уже другое дело. Проблема в том, что из положений одного из них нельзя вывести положения другого.

Не вдаваясь в подробности эпистемологической модели Парсонса, сошлемся на его краткое суждение, в котором отчетливо выражена его позиция по рассматриваемому вопросу: «В свете сказанного наиболее отличительным свойством социальных наук будет то, что изучаемые ими сущности должны рассматриваться и как объекты, и как действующие субъекты и что это двуединство применимо к их ориентациям друг на друга, а также к отношению наблюдателя с объектами его наблюдения» (Теоретическая социология, ч. 2, 2002: 50). Здесь мы имеем четкую формулу необходимости и неразделимости двух подходов к познанию общества.

Р. Коллинз на вопрос о том, не стремится ли он в своей работе к созданию теоретического синтеза в социологии, подобно Парсонсу, отвечает: «Нет, моей задачей не является создание какого-либо синтеза. Я просто работаю как на микро-, так и на макроуровнях. У меня достаточно “культурного капитала” для этого» (Интервью ... , 2010: 26). Считая себя на макроуровне «неовеберянцем», он на микроуровне использует такие категории, как «интеракционный ритуал» (*interaction ritual*) и др. Выход из тупика интеракционизма он видит в соединении микро- и макроуровня в «теорию сетей». Он отмечает, что, хотя «сети сложно реифицировать, сетевые связи микровзаимодействий с макроструктурами государства и экономики доступны наблюдению» (Интервью ... , 2010: 26).

Представляет интерес по данному вопросу позиция Юргена Хабермаса. Он пишет: «... в каждой теории общества должно быть достаточно “честолюбия”, чтобы объяснить и то, как функционирует общество, и то, посредством чего оно себя воспроизводит». (Хабермас, 1995: 85). То есть теория должна основываться одновременно на микро- и макроподходах. В то же время: «Сегодня же истины рассеяны по многим универсумам дискурсов, они больше не поддаются иерархизации, но в каждом из этих дискурсов мы упорно ищем прозрений, которые могли бы убедить *всех*» (Хабермас, 1995: 81).

Джордж Ритцер рассматривает мультипарадигмальность как своеобразную ценность: «... я *не* утверждаю, что сегодняшнее многообразие представляет собой нежелательное состояние, которое требуется устранить» (Ритцер, 2002: 572–573). Более того, Ритцер рассматривает «интегрированную парадигму» как вторичное явление по отношению к «существующим парадигмам», как своеобразное дополнение к ним: «... я выступаю за *большее* разнообразие через разработку интегрированной парадигмы для дополнения существующих парадигм. <...> ... я за теоретическое многообразие» (Ритцер, 2002: 573).

Здесь имеет смысл привести мнение Петра Штомпки: «Разнообразие глобальных (самых универсальных) “больших теорий” и синтезированных (самых общих) “больших теорий” должно остаться» (Штомпка, 1991: 20). И в то же время он признает необходимость теоретического плюрализма, хотя и не как неизбежности, а как ценности: «Я всегда верил вслед за А. Н. Уайтхедом, считая, что столкновение доктрин — не катастрофа, а новые возможности» (Штомпка, 1991: 21).

Пер Монсон считает, что «не существует исключительного, *одного*, самого правильного способа изучения общества, не содержащего в себе противоречий и не создающего научных проблем, — все зависит от того, как исследователь понимает общество и какой способ соотношения себя с ним выбирает». Более того, «не существует критериев, которые позволили бы окончательно доказать превосходство одного из направлений социологии над остальными, поскольку вопрос о том, к какому знанию мы стремимся и до какой степени это знание применимо, есть» (Монсон, 1994: 13).

Нельзя не упомянуть Пола Фейерабенда, который категорически отрицает возможность создания, какой бы то ни было непротиворечивой теории, в том числе, теории общества. «Нет ни одного правила, сохраняющего свое значение при всех обстоятельствах, и ни одного побуждения, к которому можно апеллировать всегда» (Фейерабэнд, 1986: 332). Фейерабэнд рассматривает несовершенство теории как повод для предложения множества теорий, иногда даже шуточных, лишь бы они способствовали прояснению дела.

Особое место в обосновании мультипарадигмальности занимает такое направление, как социальная эпистемология. Работы в этой области как на Западе, так и в России проводятся сравнительно недавно. Наиболее известны работы западных социологов — Д. Блур, С. Фуллера, Э. Голдмана. Элементы социально-эпистемологического подхода можно обнаружить в работах К. Поппера, Ю. Хабермаса, М. Фуко. В России в этом направлении работают И. Т. Касавин, Л. А. Микешина, Л. А. Маркова и др. Формирование научной теории, согласно концепции социальной эпистемологии, обусловлено рядом факторов, которые находятся вне собственно методологии науки и имеют социальный характер. Во-первых, «пронизанность знания формами деятельности и общения, способность выражать их специфическим образом, путем

усвоения и отображения их структуры». Во-вторых, «зависимость пространственно-временных характеристик знания от состояния общественных систем (скорость, широта, глубина, открытость, скрытость)». В-третьих, «включенность знания в культурную динамику, или то обстоятельство, что совокупная сфера культуры является основным когнитивным ресурсом человека» (Социальная эпистемология ... , 2010: 9). Lewis R. вспоминает о политическом факторе в формировании социальных теорий: «Значительная часть возражений против интегрированной парадигмы имеет не теоретические, а политические основания; интегрированная парадигма угрожает чистоте и независимости и, возможно, даже самому существованию теоретических подходов, которые находят вдохновение в *оппозиции* существующей теории» (Lewis, 1991: 228–229). Социальная эпистемология ориентирует на множественность подходов в изучении общества, обусловленных принадлежностью исследователя к определенной культуре.

На практике принцип множественности в подходе к изучению общества особенно отчетливо проявляется в проведении эмпирических социологических исследований: при разработке исследовательских методик используются методы «микросоциологии», тогда как при постановке исследовательских задач, выдвижении гипотез и при обобщении эмпирических данных — «макросоциологические» подходы. Это обусловлено, с одной стороны, тем, что в разработке проблемы единой парадигмы исследователь сталкивается с большими сложностями эпистемологического и теоретического порядка, что и обуславливает неудачи в ее разработке (Т. Парсонс, Н. Луман). С другой стороны, при проведении эмпирических социологических работ исследователь не ощущает необходимости в «глобальной» парадигме, так как для получения данных, которым можно доверять, вполне достаточно использования «частных» методологических моделей.

Как можно видеть, теоретические позиции различных авторов базируются на философских предпосылках (К. Маркс, П. Фейерабенд), на опыте исследований и собственных размышлений на эту тему (Т. Парсонс, М. Вебер и др.), на «культурном капитале» (Р. Коллинз), на «экзистенциальном переживании» (Пер Монсон), на «историческом подходе» (П. Штомпка). В значительной мере они опираются на опыт конкретных социологических исследований, когда теоретизирование по поводу методологических оснований отступает на второй план. Таким образом, не существует какого-то общего критерия, на фундаменте которого можно было бы построить обоснование мультипарадигмальности.

Как представляется, такими основаниями могут стать теоремы Геделя о неполноте (Godel, 1931: 173–198) и идея автореферентности как методологической базы, открывающей новые возможности для разрешения проблемы. Эти теоремы были доказаны Куртом Геделем в 1930 году (опубликованы в 1931 г.). Мы обращаемся, главным образом, ко второй теореме Геделя о неполноте. В кратком обобщенном виде эта теорема выглядит следующим образом: «Все непротиворечивые аксиоматические формулировки теории чисел содержат неразрешимые суждения».

Под автореферентностью чего-либо понимается так называемая «ссылка на самого себя». Автореферентность содержится в любой структуре, говорящей о себе как о части того, о чем идет речь. Примером автореферентности может служить так называемый парадокс Эпименида: высказывание «Все критяне — лжецы» порождает неразрешимый парадокс, если это говорит критянин. Распространяя эту формулировку на автореферентные системы, можно утверждать, что, если такая система

формально непротиворечива, то она неполна. Теорема Геделя о неполноте показывает, что в непротиворечивых формальных системах, способных к автореференции, есть фундаментальные ограничения.

Все суждения о человеке и обществе, по сути дела, автореферентны, поскольку они производятся человеком и членом общества и поэтому являются одновременно высказываниями о себе как субъекте высказывания. Для того чтобы дать полное и непротиворечивое определение автореферентной системы, необходимо выйти за ее пределы, посмотреть на нее извне. Об этом пишет Пер Монсон: «Все согласны, что для изучения общества необходимо каждый раз “подниматься на вертолете” и обозревать общество “извне”, т. е. *абстрактно* (Монсон, 1994: 41). Но это-то как раз и невозможно! Человек всегда находится *внутри* общества и никогда не сможет посмотреть на него извне. И далее: «Мы так же не преуспеем в познании объективного “общества-в-себе”, как и в постижении “вещи-в-себе”, потому что человек всегда конструирует свои понятия о мире, исходя из своей собственной природы» (Монсон, 1994: 43).

Если из принципа неполноты следует, что любая операционально замкнутая формализованная система (а любая теория общества и является именно такой системой) либо противоречива, либо неполна, то из принципа автореферентности следует, что не существует какой-то привилегированной эпистемологической позиции, с которой можно было бы предложить «единственно правильную» теорию общества.

Примерами таких систем могут служить уже упоминавшиеся структурный функционализм и любая из концепций общества персоналистского характера. И в том и в другом случае мы имеем дело с внутренне гармоничными, непротиворечивыми системами. При этом оба из этих направлений представлены теориями, относительно которых можно говорить об их содержательной неполноте. В концепциях структурно-функционального характера плохо (неполно) укладывается материал о социальном субъекте (человек, психика, мотивации, ценности и пр.). Человек в рамках этого направления представлен лишь частично, как носитель той или иной функции, обеспечивающей нормальное существование общества как целостного феномена. И в этом проявляется неполнота данной концепции общества.

В концепциях же персоналистского характера, как правило, не находится достаточно места для макросоциальных явлений (государство, корпорации и пр.). И если автореферентная система полна, то есть, в нашем случае, включает одновременно микро- и макроподход, то можно утверждать, что она должна быть внутренне противоречива. Представляется, что это предположение в полной мере относится к системе социального действия Т. Парсонса, а также к коммуникативной концепции Н. Лумана, которые так и не смогли убедительно показать возможность такого со- вмещения.

Парадигмальная структура современной социальной теории имеет сложный и динамичный характер, и мы можем ожидать ее дальнейшего усложнения. Главным критерием в формировании новых методологических направлений становится не истина, а их эффективность в получении нового знания. Наиболее эффективные направления в эпистемологии имеют свойство порождать все новые и новые ответвления. Более того, они проявляют все большую зависимость от порождающей их интеллектуальной и культурной среды. В то же время они не являются абсолют- но закрытыми. Одновременно происходит выравнивание, унификация социальных

процессов в глобальном масштабе, что способствует появлению синтезирующих моделей. Представляется, что в целом эти процессы ведут к обогащению познавательной позиции и расширению исследовательских возможностей.

Литература

Godel K. Uber formal unentscheidbare Satze der Principia Mathematica und Verwandter Systeme I // Monatshefte fur Mathematik und Physik. 1931. Vol. 38. P. 173–198.

Lewis R. R. Forging New Synthesis: Theories and Theorists. American Sociologist, Fall-Winter, 1991.

Интервью с Р. Коллинзом // Социологические исследования. 2010. № 3. [Interv'y u s R. Kollinzom // Sotsiologicheskiye issledovaniya. 2010. № 3].

Парсонс Т. О теории и метатеории // Теоретическая социология: Антология: в 2 ч. / М.: 2002. [Parsons T. O teorii i metateorii // Teoreticheskaya sotsiologiya: Antologiya: v 2 ch. / М.: 2002].

Хабермас Ю. Производительная сила коммуникации. Юрген Хабермас отвечает на вопросы Ханса-Петера Крюгера // Юрген Хабермас. Демократия. Разум. Нравственность. Московские лекции и интервью. М., 1995. [*Khabermas Yu.* Proizvoditel'naya sila kommunikatsii. Yurgen Khabermas otvchayet na voprosy Khansa-Petera Kryugera // Yurgen Khabermas. Demokratiya. Razum. Nравstvennost'. Moskovskiyе lektzii i interv'y u. М., 1995].

Ритцер Дж. Современные социологические теории. СПб., 2002. [Rittser Dzh. Sovremennyye sotsiologicheskiye teorii. SPb., 2002].

Штомпка П. Много социологий для одного мира («Большая теория» и теоретический плюрализм) // Социологические исследования. 1991. № 2. [*Shtompka P.* Mnogo sotsiologiy dlya odnogo mira («Bol'shaya teoriya» i teoreticheskij plyuralizm) // Sotsiologicheskiye issledovaniya. 1991. № 2].

Монсон П. Лодка на аллеях парка. Введение в социологию. М., 1994. [*Monson P.* Lodka na alleyakh parka. Vvedeniye v sotsiologiyu. М., 1994].

Фейерабенд П. Против методологического принуждения // Фейерабенд П. Избранные труды по методологии науки. М., 1986. [*Feyerabend P.* Protiv metodologicheskogo prinuzhdeniya // Feyerabend P. Izbrannyye trudy po metodologii nauki. М., 1986].

Социальная эпистемология: идеи, методы, программы М., 2010. [Sotsial'naya epistemologiya: idei, metod , programmy. М., 2010].

On grounds Multiparadigm in the science of society

ALEXANDER N. SHAROV

Head of a Laboratory

Research Institute of comprehensive social studies,
Faculty of Sociology, Saint-Petersburg State University,
St Petersburg, Russia

Article is devoted to study the multiplicity of methodological approaches in the study of society (multiparadigmality). The author examines the origins of the multiplicity of approaches in historical terms, and justify it by various researchers. The paper proposes to use as justification Multiparadigm second Gödel incompleteness theorems and the idea is self operationally closed systems.

Keywords: paradigm multiparadigmality, is self-social theory, structuralism, personalism, Godel's theorem. Changes Cancel.